

Елена Викторовна КУПЧИК¹
Цзинвэнь У²

УДК 81'255.2: 821.161.1.09

**ОБРАЗЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА
В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»
И ЕЕ ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК**

¹ доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
Тюменский государственный университет
elwika@list.ru

² соискатель кафедры русского языка,
Тюменский государственный университет
523557572@qq.com

Аннотация

Работа посвящена рассмотрению словесных поэтических образов в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» в аспекте перевода на китайский язык метафор и сравнений, описывающих внутренний мир человека. Для современного антропоцентрического языкознания актуальным является обращение к теме воплощения в языке человеческих чувств, эмоций, интеллекта. Актуальность исследования обусловлена как обращением к образной репрезентации картины внутреннего мира человека, так и сопоставительным рассмотрением исходного текста и его перевода, на основании которого иноязычный читатель получает представление о произведении. Новизна работы состоит в выявлении корпуса метафорических моделей, относящихся к «внутреннему человеку», в поэме А. С. Пушкина и ее переводе на китайский язык, а также в определении специфики переводного текста в плане отражения концептов внутреннего мира человека. Характеристика образной репрезентации данных концептов путем рассмотрения реализаций метафорических моделей и определение особенностей их перевода составляют цель

Цитирование: Купчик Е. В. Образы внутреннего мира человека в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и ее переводе на китайский язык / Е. В. Купчик, Цзинвэнь У // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 4. С. 40-54.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-40-54

исследования. Основными методами исследования являются описательный и сопоставительный. В работе представлен перечень лексем, входящих в субъектную и объектную части метафорических моделей, определены количество и виды моделей, относящихся к областям «Душа», «Эмоционально-чувственная сфера», «Интеллектуальная сфера», выявлены признаки сопоставления понятий внутреннего мира с объектами живой и неживой природы. Представлена типология чувств и эмоциональных состояний персонажей поэмы. Рассмотрены представления русских и китайцев о некоторых концептах внутреннего мира. На основании сопоставительного рассмотрения реализаций метафорических моделей в поэме и ее переводе сделаны выводы о чертах сходства и различия исходного и переведенного текстов. Корпус метафорических моделей и большинство их реализаций не претерпели при переводе существенных изменений, так же как и характеристики внутреннего мира пушкинских персонажей. Внесенные переводчиком изменения состоят в следующем: последовательная замена лексемы «душа» на «сердце», что связано со спецификой представлений китайского народа о душе и сердце; устранение метафоры при сохранении наименования чувства или без него; введение в текст образа, отсутствующего у А. С. Пушкина; эпизодическая замена одной модели на другую. Коррективы переводчика могут быть объяснены стремлением наиболее адекватно донести содержание поэмы до китайских читателей с учетом особенностей их менталитета.

Ключевые слова

Картина мира, концепт, метафорическая модель, русский язык, китайский язык, перевод.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-40-54

Введение

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется обостренным интересом ученых к проблематике языковой картины мира, традиционно понимаемой как совокупность отраженных в языке знаний и представлений человека о мире, о действительности — «объективно реальной или мыслимой» [3, с. 47]. В современном языкознании (работы Ю. Н. Караулова, Г. В. Колшанского, В. В. Красных, В. И. Постоваловой, В. Н. Телия и др.) принято различать концептуальную и языковую картины мира, которые соотносятся между собой как первичное и вторичное, как явление ментального порядка и его словесное воплощение. Концептуальная картина мира отличается от языковой значительно большим объемом, поскольку воплощение в языке получают не все элементы национальной концептосферы, что обусловлено их разной значимостью для сознания народа. Эта значимость определяется, например, ценностным содержанием, выражающим сущность концепта, поскольку «в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [4, с. 12]. Указанному принципу вполне соответствуют концепты внутреннего мира человека, являющиеся объектами рассмотрения в многочисленных научных трудах и отмеченные в словарях концептов [1, 10].

К вторичным картинам мира относится также художественная, возникающая (применительно к литературе) в сознании воспринимающего произведение чита-

теля. В художественном произведении картина мира проявляет себя, как отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, в отборе элементов содержания произведения, определенных языковых единиц, а также образных средств языка [7, с. 56]. Отражая образ мира, существующий в сознании автора, художественная картина мира в то же время несет информацию и о национальной. Например, классическая русская литература, охарактеризованная Л. Н. Толстым как «серьезное сознание серьезного народа» [12, с. 9], традиционно воспринимается как источник знаний о России, русском народе, его культуре, духовной жизни и т. д.

В настоящее время наблюдается активное развитие изучения фрагментов картины мира посредством рассмотрения образной репрезентации соответствующих концептов, выявления их признаков. Одна из важнейших областей такого изучения связана с исследованиями сопоставительного характера — на материале разных языков. В связи с возрастанием в современном мире роли межкультурной коммуникации особую актуальность приобретают проблемы перевода, нацеленного на адекватную передачу содержания текстов при учете особенностей его восприятия носителями иной культуры.

Целью работы является характеристика образной составляющей концептов внутреннего мира человека в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» [8, с. 43-67] посредством выявления и описания отраженных в компаративных тропах метафорических моделей (далее ММ), а также определение особенностей перевода пушкинских метафор и сравнений на китайский язык на материале перевода Цюн Юй [16].

Основная часть

Интерес современной лингвистической науки к образу человека в языке находит отражение в многочисленных исследованиях (работы Н. Д. Арутюновой, А. Вежицкой, М. К. Голованивской, А. А. Зализняк, В. В. Красных, М. В. Пименовой, В. И. Постоваловой и многих других), авторы которых рассматривают человека в двух основных аспектах, со стороны как физической, так и духовной природы. Характеризуя представленный в языке образ человека, Ю. Д. Апресян выделяет ряд «систем человека», включающих физическое восприятие, физиологические состояния и реакции, действия, желания, мышление, эмоции, речь, указывая на высокое место в иерархии систем тех из них, которые относятся к внутреннему миру человека [2, с. 42-45]. Нам представляется, что яркость, рельефность образов героев поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» во многом определяется тем, что автор «задействовал» при их описании все вышеназванные системы человека. Герои поэмы представлены не только в действиях, традиционных для сказочных персонажей, но и в плане их характеров, мыслей, душевных состояний и т. д.

В поэме «Руслан и Людмила» отражены реализации ряда концептов внутреннего мира человека:

- *душа* (21 реализация);
- *положительные и отрицательные эмоции и состояния*: любовь, надежда, тоска, вера, радость, горе, страх, страсть, гнев, зависть, честь, жела-

- ние, досада, злоба, кручина, уныние, ужас, веселье, ненависть, волнение, месть, дружба, блаженство, нега, восторг, печаль, боязнь (46 реализаций);
— *умственная деятельность*: ум, рассудок, вымысел, дума, мысль, мечты (10 реализаций).

Душа

Из представленных в толковых словарях русского языка нескольких значений слова *душа* А. С. Пушкиным в «Руслане и Людмиле» востребовано первичное: «внутренний, психический мир человека» [5, с. 128]; душа, собственно, и является аналогом внутреннего человека. М. В. Пименова указывает на «невероятно большое количество оттенков значений» [6, с. 17] лексемы *душа*, что служит доказательством значимости для русской картины мира данного концепта, обладающего богатым набором признаков — витальных, антропоморфных, зооморфных, вегетативных и иных.

В тексте поэмы реализованы следующие ММ: «душа — человек», «душа — живое существо», «душа — орган», «душа — вместилище», «душа — огонь».

Живой душе свойственны те или иные физические и психологические состояния, она может быть «разочарованной», «нездоровой»; душа реагирует на внешние воздействия, оказываясь, например, «молением усмиренной», взволнованной или успокоенной: *Злой дух тревожил и смущал // Его тоскующую душу; О дружба, нежный утешитель // Болезненной души моей!*

В русской картине мира душа предстает и как особый орган — «представляемый», по выражению Е. В. Урысон [13, с. 6], или орган саморефлексии [6, с. 77]. В пушкинском тексте отмечены конструкции с формой творительного падежа слова *душа*, в которых отражено представление о душе как своеобразном органе, обладающем известной автономностью. Герой «болен душою» при физическом здоровье; «душой уснув», бодрствует; «душой летит за наслаждением», не двигаясь с места, и т. д.

Традиционным является представление о душе как вместилище, содержимое которого составляют объекты внутреннего мира. Пространство души может быть заполненным надеждой или «томительной думой»; она являет собой место покоя, в котором «желанье дремлет», место угасания веры и надежды, тайник, скрывающий «любви и ненависти яд», приспособление для транспортировки (в ней герой влачит «печали бремя»).

Представление о душе как огне реализуется в образе пламенной души.

В переводе реализаций моделей с субъектной зоной *душа* на китайский язык сохраняется объект сопоставления, однако место субъекта последовательно занимает *сердце*. Приведем некоторые примеры.

Душе наскучил бранной славы // Пустой и гибельный призрак. — 我的心已厌倦战斗的光荣，那不过是虚无与毁灭的幻影: «Моему сердцу надоела военная слава, ведь это пустой и ведущий к гибели призрак».

И мценье бурное падет // В душе, молением усмиренной... — 被哀求而软化的心中，抛弃了复仇的观念: «В молением усмиренном сердце он бросил идею мести».

Воскреснув пламенной душой... — 鲁斯兰心中的火焰又在燃烧: «Огонь в сердце Руслана опять горит».

Живу в моем уединенье // С разочарованной душой... — 我就带着一颗破碎的心, 独自幽居在这僻静的山洞: «С изорванным сердцем живу один...»

Замена переводчиком лексемы *душа* на *сердце* обусловлена особенностями представлений о данных понятиях в русской и китайской культурах. Понятие души в китайском языке не имеет единого способа выражения: как отмечает Тань Аошуань, оно передается несколькими иероглифами (lin, hun, shen, po, xin), посредством сочетания которых передается двухуровневая структура души: сердце и дух (в значении субстанции, покидающей тело человека в момент смерти) [11, с. 178-179]. В русском сознании сердце является средоточием чувств и противопоставляется тому, что связано с рассудочной деятельностью. Оппозиция сердца и ума, традиционная для русской культуры, в китайской отсутствует: понятие сердца включает не только сферу чувств, но и того, что относится к мыслительной и познавательной деятельности. В китайских представлениях, как отмечает И. А. Сапегина, сердце — «вместилище разума, ума, сознания, интеллекта, воли и внимания», оно считается «мерилом нравственности и этической оценки человека» [9, с. 10]. Вместе с тем именно концепт *сердце* — по комплексу заключенных в нем смыслов — обнаруживает наибольшую близость к концепту *душа*, что и дает основание переводчику заменять одно понятие на другое в целях адекватной передачи китайскому читателю смысла пушкинских строк.

Буквальная точность перевода наблюдается лишь в отдельных случаях. Например, строка *Душа надеждою полна* в переводе выглядит аналогичным образом: концептуализация души как вместилища свойственна обоим языкам. В других случаях имеют место некоторые различия.

По наблюдениям исследователей, сердце в китайской культуре является более активным субъектом, нежели в русской. Возможно, именно этим обусловлена замена глаголов, не имеющих значения быстрого действия, на лексемы с данным значением. Например, пушкинские строки *Задумчиво безмолвный хан // Душою вслед ему стремится...* в переводе выглядят так: «Безмолвный хан задумчив, его сердце летит с Русланом». Если модальный глагол *стремиться* означает прежде всего тягу к чему-либо, то *лететь* имеет значения: «1. Нестись, передвигаться по воздуху; 2. перен. То же, что и мчаться» [5, с. 224-225].

Русские конструкции со словом *душа* в косвенных падежах переводятся так, что слово (*душа* или *сердце*) оказывается подлежащим — субъектом. Значение души как органа не прослеживается, например: *Что делать: болен я душою...* — «怎么也睡不着, 我的师父! 怎么才能去除我心中的痛苦: «Как убрать страдание из моей души?»»

Душою черной зло любя... — 老巫婆的黑心眼原本就是喜欢记仇, 说来也不稀奇: «Черное сердце колдуньи любит злобу».

Душой летит за наслаждением... — 心还在想着昨日的喜宴: «Его сердце еще скучает о вчерашней свадьбе».

Душой уснув, в дверях могилы, я помню горесть... — 心已死，就要踏进坟墓的大门，但我还牢记着那痛苦的往事：«Сердце уже умерло, я стою в дверях могилы».

В переводе фрагмента о беседе Руслана и Ратмира, которые провели вечер «с душой и сердцем на устах», то есть в задушевной беседе, отсутствует слово *душа*, что не изменяет общего смысла высказывания: собеседники «говорят до темной ночи, произнося слова от чистого сердца, не замечая, сколько времени прошло».

Лексема *дух* представлена в поэме А. С. Пушкина в двух словарных значениях: ‘внутренняя, моральная сила’, а также ‘бесплотное сверхъестественное существо’ [5, с. 128], которые представлены, например, в характеристике удрученного состояния Руслана волшебником Финном («Твой твердый дух теряет силы»), и смятения Рогдая, душу которого «злой дух тревожил и смущал». В первом случае китайский переводчик заменяет лексему *дух* на *волю*. Различие данных понятий, на наш взгляд, не искажает смысла пушкинской строки, поскольку лексемы сближены по признаку моральной силы. В характеристике соперника Руслана «злой дух» в китайском переводе («Один дьявол, смутьян, беспокоит его тоскующую душу») заменен на более конкретное именование: обозначен вид сверхъестественного существа, который в народных представлениях наделяется признаками живого существа — например, определенными деталями внешнего облика.

Эмоционально-чувственная сфера

Персонажи поэмы «Руслан и Людмила» являются носителями разнообразных чувств и эмоциональных состояний, как положительных, так и негативных. К первой группе относятся любовь, надежда, вера, дружба, радость, веселье, честь, восторг, нега, блаженство. Вторая группа включает следующие номинации: гнев, ненависть, страх, ужас, боязнь, тоска, печаль, кручина, горе, досада, зависть, злоба, уныние. Отдельные лексемы получают положительное или отрицательное значение только в контексте: например, страсть в поэме предстает и нежной, и губительной, и жестокой. Объекты эмоционально-чувственной сферы отражены в реализациях ММ: «чувство — существо», «чувство — огонь», «чувство — напиток», «чувство — еда», «чувство — лед», «чувство — пространство», «чувство — информация», причем более половины примеров содержат сопоставление чувства с существом и огнем.

Чувства и эмоции пушкинских персонажей уподоблены живым существам по нескольким параметрам, к которым относятся:

- этапы жизненного цикла: чувство просыпается, дремлет, погибает, умирает и т. д.;
- способность совершать определенные действия, в том числе и по отношению к героям: чувство терзает героя, поражает его и т. д.;
- способность говорить: так, «голос оскорбленной чести» призывает Наину к мести Финну;
- черты внешнего облика: зависть, например, является обладательницей «гневных очей».

В переводе на китайский язык модель в целом сохраняется, однако объем ее по сравнению с тем, что представлено в пушкинском тексте, уменьшен за счет перевода метафор неметафорическими сочетаниями. Это касается прежде всего контекстов, содержащих представление о чувстве как силе, направленной против человека, причиняющей ему страдания (воздействие такого чувства передается посредством глаголов *мучить, томить, поражать, стеснять, терзать, преследовать, омрачать* и их форм). Китайский переводчик при работе с данными микроконтекстами производит три вида операций, что дает основание выделить следующие группы примеров:

1. Фрагменты с **устранением метафоры и сохранением наименования** чувства, например:

...Рогдай неукротимый, глухим предчувствием томимый... — 桀骜不驯的罗格达伊, 为一种预感而焦急苦恼: «Рогдай страдает от предчувствия»; *Напрасно, горестью своей // И холодным страхом пораженный, // Зовет любовницу петух...* — 那公鸡吓得直打冷颤, 悲伤地呼唤着自己的伙伴, 但是喊破喉咙也是枉然: «Петух дрожит от страха, печально зовет свою любовницу».

2. Фрагменты с **устранением метафоры и именовании чувства** либо его заменой.

Старик, измученный тоской... — 老人满腹忧愁, 悲痛欲绝: «Безудержно горюет»; *Народ, уныньем пораженный...* — 那里的民众个个垂头丧气 [16, с. 218]: «Народ повесил голову и пал духом».

В примерах обеих групп прослеживается «аннулирование» представления о чувстве как субъекте негативного воздействия на человека.

3. Фрагменты с **заменой одной метафоры на другую**, например:

Сердца их гневом стеснены... — 他们的心中燃烧着怒火: «В их сердцах гнев горит»; *В нем гнев свирепый умирает...* — 心中的狂怒渐渐消散: «В душе гнев уже постепенно тает»; *Его терзает вновь кручина...* — 忧伤重又啃啮着他的心: «Печаль вновь кусает его сердце».

В целом переводы отражают душевное состояние персонажей, однако в некоторых случаях отмечается различие. Например, перевод пушкинского фрагмента «Объемлет ужас печенегов» как «Враги трепещут от страха» не в полной мере передает состояние «басурманов», которых истребляет воин, подобный Божьему грому: печенеги испытывают именно ужас — «чувство сильного страха, достигающее до подавленности, оцепенения» [5, с. 580], заставляющий их обратиться в паническое бегство.

В поэме широко представлено характерное для русской картины мира уподобление чувств огню, основанное на интенсивности чувства, особенностях его возникновения и исчезновения. Посредством «огненных» метафор характеризуются главным образом любовь («пламень роковой», «жар любви» и др.) и чувства недоброжелательности, заставляющие героя «пламенеть» (злостью, мстостью и т. д.). Родственными огню оказываются также надежда, вера, волнение.

В переводе «Руслана и Людмилы» на китайский язык уподобление чувств огню осуществляется достаточно последовательно, метафоры типа *пламя люб-*

ви, пламя мести, зажечь любовь расцениваются как вполне понятные китайскому читателю.

Отдельными реализациями представлены следующие модели: «чувство — сладость» (о надежде и унынии), «чувство — напиток» (герой может быть упоен восторгом, негой, блаженством), «чувство — отравляющее вещество» (любовь и ненависть как яд), «чувство — лед» (ушедший гнев — растаявший лед), отраженные сходным образом в китайском переводе. Модели же «чувство — информация» и «чувство — отсутствие звука» в китайском тексте отсутствуют, поскольку переводчик либо заменяет пушкинское сопоставление неметафорической конструкцией, либо убирает наименование чувства, ср.: *Ты видишь, добрый мой читатель, // Тут злобы черную печать!* — 你看看, 我的善良的读者, 叫我如何回答这个问题: «Посмотри, мой добрый читатель, как отвечу на этот вопрос»; *На стогах тишина боязни...* — 广场上笼罩着恐怖的寂静: «Ужасная тишина накрывает площадь».

Интеллектуальная сфера

Интеллектуальная сфера человека представлена по сравнению с чувственной небольшим количеством как ММ, сводящихся к сопоставлению с живым существом (человеком, животным, птицей) и жидкостью, так и их реализаций (10). Субъекты сопоставления сравниваются главным образом с крылатым существом. Ум, мечта, дума способны легко и быстро перемещаться по воздуху, причем ум летает «на крыльях вымысла». Мысль об утраченной Людмиле «терзает и мертвит» Руслана подобно хищнику. Ум является также объектом охоты: его преследуют «любовь и жажда наслаждений». В образе человека, наделенного властью, выступает рассудок, который «в мире жить велит». Думы героев предстают также в виде воды (например, Рогдай оказывается погруженным «в глубокую думу») и содержимого души как сосуда, полного «томительною думой». Китайский перевод отражает реализации тех же моделей, однако в переводе строки *И думой вслед за ним летит* на месте *думы* оказывается *сердце*: 大公依然站在旷野上, 久久地向着远方凝视, 一颗心已经跟着他们远去: «Сердце уже улетело с ними». Перевод, однако, представляется достаточно корректным в связи с отмеченным выше отсутствием в китайской культуре оппозиции ума и сердца.

Объекты внутреннего мира персонажей поэмы

Каждому из персонажей «Руслана и Людмилы» принадлежит собственный набор отраженных в метафорических моделях объектов чувственной и интеллектуальной сфер. Сам перечень данных объектов так или иначе обрисовывает состояние внутреннего мира героя:

1. Руслан: надежда, вера, грусть, кручина, досада, гнев, желанье, мечь, страх, унынье, восторг; мечты, мысль.
2. Людмила: забвенье, волненье, ужас.
3. Рогдай: тоска, любовь, ненависть, веселье, гнев, досада, изумленье, предчувствие; дума.
4. Ратмир: любовь, ненависть, надежда, ожиданье, грусть; дума.

5. Фарлаф: любовь, ненависть, надежда, страх.
6. Князь Владимир: тоска, печаль, гнев.
7. Голова: злоба, смущенье, чувство.
8. Финн: надежда, разочарованность, радость; мысль.
9. Наина: желанья, любовь, злоба, чувства.
10. Черномор: страсть, досада, злоба, любовь; рассудок.
11. Повествователь: дружба, блаженство, любовь, жажда наслаждений, надежда; ум, вымысел, мечта, дума.

Наибольшим количеством и разнообразием представленных в ММ проявлений внутреннего мира отличается образ главного героя — Руслана, испытывающего чувства и состояния широкого спектра: от печали до восторга, от уныния до надежды и веры в лучшее, — причем данные состояния сменяют друг друга в зависимости от обстоятельств, в которые попадает герой. Рогдаю, наиболее упорному сопернику Руслана из числа троих претендентов на руку Людмилы, также свойственны разные проявления чувств; однако если для Руслана характерны состояния прежде всего веры и надежды, то для Рогдая — сильные негативные чувства: гнев, ненависть, досада. Положительным и отрицательным персонажам свойственно чувство любви, определяющее их замыслы и поступки; отметим, что у злых колдунов — Черномора и Наины — с любовью соседствует злоба. Из трех соперников Руслана только Рогдай сохраняет до конца жизни «любви и ненависти яд»: у других на смену этим сильным чувствам приходит грусть о былом (Ратмир) или страх (Фарлаф). В китайском переводе поэмы подобное распределение по персонажам проявлений внутреннего мира сохраняется, так что китайский читатель получает адекватное представление о спектре чувственных и интеллектуальных проявлений каждого из действующих лиц произведения.

Коррективы переводчика

Некоторые особенности перевода, по-видимому, обусловлены тем, что переводчик учитывает специфику выражения эмоций в китайском языке (рассмотренную, например, в работе Цзинь Хайминь [14]). Изменения, внесенные переводчиком, сводятся к следующему.

1. **Добавление метафоры или сравнения.** В отдельных случаях переводчик вводит в текст дополнительную метафору, превращая, например, «гибельную страсть» в «гибельное пламя страсти», или акцентирует переживание героя сравнительными оборотами, например: *Мысль о потерянной невесте его терзает и мертвит.* — «Он вспоминает потерянную невесту, как множество стрел пронзают сердце, словно потерял душу».

2. **Устранение метафоры.** Из пушкинской строки *И медленно в душе твоей // Надежда гибнет, гаснет вера* переводчик изымает слово *вера*. Отсутствие в переводе упоминания о вере (при сохранении надежды) объясняется, по-видимому, разной значимостью соответствующих концептов в сознании русских и китайцев. Как отмечает Чжу Жуйшуан, для русских надежда и вера являются

важнейшими моральными ценностями, причем взаимосвязанными; для китайцев же вера имеет меньшую значимость, чем для русских, и не является тесно связанной с надеждой [15, с. 16-17]. Строка *Влача в душе печали бремя* переводится как «В сердце у меня грустно, как обычно»; *И замерла душа в Руслане* — как «Руслан не мог не испугаться». В единичных случаях устраняется сам фрагмент, содержащий метафору: например, высказывание «о минувшем мысль родится» в китайском переводе отсутствует.

3. **Замена метафоры.** В реализации ММ «душа — вместилище» происходит замена «содержимого» на тематически сходное: *Душа, как прежде, каждый час // Полна томительною думой...* — «Моя душа, как всегда, заполнена грустной мыслью».

4. **Замена модели.** Пушкинское уподобление гнева существу, оказывающему негативное воздействие на героев («Сердца их гневом стеснены»), а надежды — существу, связанному с полетом («Летит, надеждой окрыленный»), претерпевает изменения: гнев уподоблен огню («В их сердцах гнев горит»), а надежда — содержимому души-вместилища («Он летит, его душа полна надеждой»).

Выводы

На основании рассмотрения образных средств, характеризующих внутренний мир человека в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», мы пришли к следующим выводам.

1. В тексте поэмы выявлено 77 случаев образной репрезентации многочисленных концептов внутреннего мира человека, распределенных по субъектам сопоставления по трем группам: «Душа» (21), «Эмоционально-чувственная сфера» (46), «Интеллектуальная сфера» (10).

2. Распределение ММ по сферам выглядит следующим образом: «Душа» — 5 ММ, «Эмоционально-чувственная сфера» — 11 ММ, «Интеллектуальная сфера» — 2 ММ.

3. Наибольшей частотностью и распространенностью отличаются реализации ММ «душа — существо», «душа — вместилище», «чувство — существо», «чувство — огонь».

4. Каждому персонажу поэмы присущ собственный перечень объектов чувственной и интеллектуальной сфер. Наиболее частыми объектами сопоставления являются *душа*, а также *любовь*, упоминаемая при характеристике большинства персонажей. В качестве субъектов сопоставления повторяются *надежда*, *гнев* и *ненависть*.

5. Сопоставление русского текста поэмы с его китайским переводом позволило выявить некоторые различия: в отдельных случаях переводчик добавляет образные средства или устраняет их из текста, заменяет образное выражение неметафорическим или наоборот. Несоответствия могут быть объяснены спецификой отдельных концептов в понимании разных народов, что касается в первую очередь *души*, в большинстве случаев переводимой как *сердце*.

Заключение

Внимание к внутреннему миру человека, воплощенному в образных средствах языка, обусловлено как актуальностью рассмотрения человека в качестве главного объекта современной антропоцентрической лингвистики, так и важностью проблемы адекватной трансляции тех или иных художественных смыслов носителям других языков, отражающих иные картины мира. Произведения А. С. Пушкина, популярные и высоко ценимые в Китае, являются богатым источником сведений о культуре русского народа, его истории, традициях, духовных ценностях и т. д., отраженных в том числе в реализациях метафорических моделей.

В тексте поэмы «Руслан и Людмила» нами выявлены многочисленные образные выражения, относящиеся к внутреннему миру человека. Группировка их по субъектам и объектам сопоставления позволила выделить ряд ММ, тематически распределяемых по трем группам: «Душа» (почти треть общего количества реализаций), «Эмоционально-чувственная сфера» (более половины общего количества) и «Интеллектуальная сфера». Результаты количественных подсчетов позволяют сделать вывод о важности прежде всего душевных переживаний, чувств, эмоциональных состояний героев поэмы; об этом же свидетельствует и количество ММ, фиксирующих признаки того или иного субъекта сопоставления. Реалии внутреннего мира представлены в широком спектре действий и состояний, свойственных разнообразным объектам мира, но прежде всего живым существам и огню. Наиболее частым субъектом образных сопоставлений является *душа*, один из важнейших концептов русской картины мира, а из сферы чувств и эмоций — *любовь*, проявляющаяся в том или ином виде практически у всех персонажей поэмы, в том числе и у отрицательных. Каждого персонажа поэт наделяет собственным набором чувств, эмоциональных состояний и их проявлений, что способствует индивидуализации образов.

Сопоставительный анализ ММ в поэме и ее переводе на китайский язык позволяет говорить о значительной точности перевода в плане передачи реалий внутреннего мира, представленных в произведении. В то же время переводчиком учтены особенности представлений китайского народа о некоторых объектах внутреннего мира человека, что проявляется, например, в переводе *души* как *сердца*, а также замене отдельных пушкинских образов иными метафорическими или неметафорическими выражениями, более привычными китайскому читателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
3. Васильева Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. М.: Русский язык, 1995. 176 с.

4. Карасик В. И. Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 12-13.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. М.: Оникс: Мир и образование, 2010. 640 с.
6. Пименова М. В. *Душа и дух: особенности концептуализации* / М. В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с.
7. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М.: АСТ Восток — Запад, 2007. 314 с.
8. Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Пушкин А. С. Золотой том. Собрание сочинений / А. С. Пушкин. М.: Издательский дом «Имидж», 1993. С. 43-67.
9. Сапегина И. А. Концепт сердце как доминанта эмоциональной картины мира в русском языке в зеркале китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Сапегина. М., 2011. 28 с.
10. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
11. Тань Аошуань. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Аошуань Тань. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
12. Толстой Л. Н. Речь в Обществе любителей российской словесности / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений в 22 т. / Л. Н. Толстой. М.: Художественная литература, 1983. Т. 15. С. 7-9.
13. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3-15.
14. Цзинь Хайминь. Выражение эмоций в китайском языке // Хайминь Цзинь. URL: <https://sibac.info/studconf/hum/xi/32770>
15. Чжу Жуйшуан. Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жуйшуан Чжу. М., 2017. 24 с.
16. 普希金著, 琼玉改写, 普希金童话, 长江:少年儿童出版社, 2014. 225 с. А. С. Пушкин. Цюн Юй (перевод). Сказки А. С. Пушкина. У Хан: Чаншаское детское издательство, 2014. 225 с.

Elena V. KUPCHIK¹
Jingwen Wu²

**IMAGE OF THE INNER PERSONALITY
IN THE POEM “RUSLAN AND LYUDMILA”
BY A. S. PUSHKIN AND ITS TRANSLATIONS
TO THE CHINESE LANGUAGE**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian Language,
University of Tyumen
elwika@list.ru

² Postgraduate Student,
Department of Russian Language,
University of Tyumen
523557572@qq.com

Abstract

This article analyzes the verbal poetic images in A. S. Pushkin’s poem “Ruslan and Lyudmila”, in particular, the peculiarities of the Chinese translation of the metaphors and comparisons, describing an individual’s inner personality. The modern anthropocentric linguistics shows interest in the issues of language expressive means, concerning human feelings, emotions, and intelligence. This research focuses on the figurative representation of a person’s inner world mapping and comparative reviewing of the original text and its translation, which allows the foreign-language reader to gain the impression about the work of art. The novelty of this study lies in detecting the metaphorical model’s corpus, relating to “the inner personality” in A. S. Pushkin’s poem and its translation into Chinese. It also touches upon the specifics of the translated text regarding person’s inner world.

This study aims at characterizing the figurative representation of these concepts by reviewing the metaphorical model’s representations and determining their translation peculiarities. Employing the descriptive and comparative methods, the authors provide a list of the lexemes, representing subjective and objective parts of the metaphorical models. The authors

---

Citation: Kupchik E. V., Wu Jingwen. 2017. “Image of the Inner Personality in the Poem ‘Ruslan and Lyudmila’ by A. S. Pushkin and its Translations to the Chinese Language”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 4, pp. 40-54.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-40-54

---

determine the quantity and the types of the models, relating to the following areas: "Soul", "Emotional and Sensual Sphere", and "Intellectual Sphere". That reveals the attributes of comparison of the concepts relating to inner world and the objects of animate and inanimate nature. Providing the typology of feelings and emotional statuses of the poem's characters, the research considers the vision of the inner world concepts of the Russian and Chinese people. Based on comparative reviewing of the metaphorical models in the poem and its translation, the authors reveal the features of likeness and distinction of the original and translated texts. The corpus of metaphorical models and the majority of their text representations as well as the characteristics of Pushkin's characters inner world did not undergo any substantial changes while being translated. The changes made by the translator are as follows: the change of a lexeme "Soul" to "Heart", that is connected to the peculiar stance on the soul and the heart, that Chinese people have; elimination of a metaphor yet saving the name of the feeling or without it; introduction of the images absent in Pushkin's text; incidental change of one model for another. Alterations by the translator can be explained by the aspiration to retell the contents of the poem to the Chinese readers in a most adequate way, taking into account the peculiarities of their mentality.

Keywords

World view, concept, metaphorical model, Russian, Chinese, translation.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-40-54

REFERENCES

1. Karasik V. I., Sternin I. A. (eds.). 2007. *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnosis.
2. Apresyan Yu. D. 1995. "Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo analiza" [The Image of a Person according To the Language: An Attempt at a System Analysis]. *Voprosy yazykoznaniiya*, no 1, pp. 37-67.
3. Vasilieva N. V., Vinogradov V. A., Shakhnarovich A. M. 1995. *Kratkiy slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Concise Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Karasik V. I., Slyshkin G. G. 2007. "Bazovye kharakteristiki kontseptov v lingvokul'turnoy kontseptologii" [Basic Characteristics of Concepts in Linguocultural Conceptology]. In: Karasik V. I., Sternin I. A. (eds.). *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts], pp. 12-13. Moscow: Gnosis.
5. Ozhegov S. I. 2010. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Oniks: Mir i obrazovanie.
6. Pimenova M. V. 2004. *Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii* [Soul and Spirit: Features of Conceptualization]. Kemerovo: Grafika.
7. Popova Z. D., Sternin I. A. 2007. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST Vostok-Zapad.
8. Pushkin A. S. 1993. "Ruslan i Lyudmila" [Ruslan and Lyudmila]. In: Pushkin A. S. *Zolotoy tom. Sbranie sochineniy* [Gold Volume. Collected Works], pp. 43-67. Moscow: Imidzh.

9. Sapegina I. A. 2011. "Kontsept serdtse kak dominanta emotsional'noy kartiny mira v russkom yazyke v zerkale kitayskogo yazyka" [Concept Heart as the Dominant of the Emotional Picture of the World in Russian in the Mirror of the Chinese Language]. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstract. Moscow.
10. Stepanov Yu. S. 2004. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd edition, revised. Moscow: Akademicheskii proekt
11. Tan Aoshuan. 2004. Kitayskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost' [Chinese Picture Of The World: Language, Culture, Mentality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
12. Tolstoy L. N. 1983. "Rech' v Obshchestve lyubiteley rossiyskoy slovesnosti" [Speech in the Society of Amateurs of Russian Literature]. In: Tolstoy L. N. Sobranie sochineniy [Collected Works] in 22 vols. Vol. 15, pp. 7-9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Uryson E. V. 1995. "Fundamental'nye sposobnosti cheloveka i naivnaya 'anatomya'" [Fundamental Human Abilities and Naive "Anatomy"]. Voprosy yazykoznanija, no 3, pp. 3-15.
14. Jing Haimin. "Vyrazhenie emotsiy v kitayskom yazyke" [Expressing Emotions in Chinese]. <https://sibac.info/studconf/hum/xi/32770>
15. Zhu Ruishuang 2017. "Soderzhanie moral'nykh tsennostey v yazykovoy kartine mira (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov)" [The Content of Moral Values in the Language Picture of the World (On the Material of Chinese and Russian Languages)]. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstract. Moscow.
16. Pushkin A. S. 2014. Skazki A. S. Pushkina [Pushkin's Fairy Tales]. Translated by Qiong Yu. U Khan: Chanshaskoe detskoe izdatel'stvo.